

И вот получаю конверт с неторопливой вязью восточных букв. В конверте — фотографии. Вглядываюсь в глаза Верико, в улыбку Верико, в приветливые вдохновенные лица и мысленно переносю в недавнюю грузинскую осень...

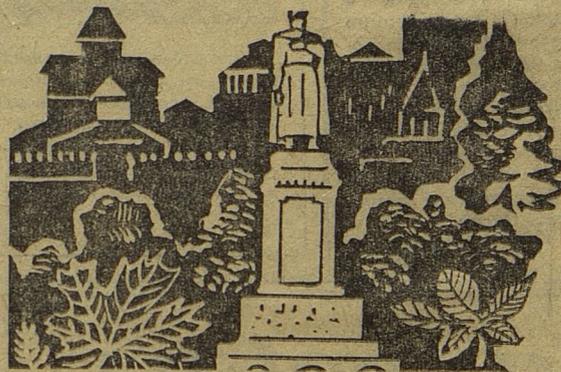
Эта встреча была княжеским подарком Грузии. Счастливого стечение обстоятельств преподнесло этот подарок только нам двоим из всего многочисленного семинара театральных критиков. И потом до конца занятий в Тбилиси волею судьбы нас словно витал дух причастности к особо светлому, непреходящему, нас выделяли особым гостеприимством, особой заботой хозяева, особой завистью — остальные семинаристы, а мы вглядывались в осень Грузии, в театральную и повседневную жизнь ее столицы — Тбилиси с обостренным чувством красоты, поэтичности. И все потому, что в первый час на этой земле мы встретились с Верико Анджапаридзе, великой грузинской актрисой.

Она вышла из машины неторопливой походкой женщины почтенного возраста. Невысокого роста. В черной траурной одежде. С черной косынкой на седых легких волосах. Облик таких женщин привычен для Грузии, где долго носят траур по близким. Но вот прозвучало низкое, теплое «здравствуйте», легко и мягко прикоснулась теплая рука, и нас осязал взгляд глубоких, внимательных молодых глаз.

А потом на сцене она молодела в глазах. Столько внутренней силы, темперамента, вдохновения было в ее жестах, движениях, столько красоты и одухотворенности — в чеканном профиле и столько сердечности и страстности — в низком мелодичном голосе. Уже позже Верико рассказывает нам, что никогда специально не готовит речи, а любит импровизацию, любит прочувствовать настроение слушателей и соответственно найти слова, интонацию. Но то, что актриса несколькими фразами на грузинском, мудрой и женственной улыбкой, каким-то особым чутким вслушиванием в слова приветствовавших ее задала неофициальную, задумчивую тональность встрече, мы поняли сразу. Хотя волноваться тем, кто выступал на этой встрече, было от чего.

В памяти людей всегда хранятся имена актеров-легенд Урусского театра — это Вера Комиссаржевская и Мария Ермолова, у грузинского — Нато Габуния, Мано Сафарова-Абашидзе, Нуца Чхеидзе и наша современница Верико Анджапаридзе, гордость современной грузинской сцены.

С именем Верико связаны страницы театральной летописи Советской Грузии. В 1919 году, после двухлетней учебы в Москве, у известного русского педагога и актера И. Певцова, Верико Анджапаридзе приезжает в Тбилиси и играет первую роль египетской принцессы Яюмы в спектакле по пьесе «Религия» Брие. И произошло чудо — двадцатилетняя актриса повела за собой зал. Она пленила необычным стилем игры, незнакомой лепкой образа, музыкальной пластикой движений, гибким мелодичным голосом, острой чувств. Так начался большой

пут в искусстве. Сегодня Верико Анджапаридзе — народная артистка СССР, лауреат Государственных премий и премии имени Котэ Марджанишвили. Актриса, искусству которой поклонялись и поклоняются Станиславский, Немирович-Данченко, многие русские и советские актеры.

Несколько дней спустя после встречи с актрисой, в театре имени Марджанишвили нам покажут особое место в фойе. Там, рядом со скульптурным портретом Верико мы увидим фотопортреты актрисы в лучших ее ролях — Юдифи («Уриэль Акоста» К. Гуцкова), Маргариты Готье («Маргарита Готье» А. Дюма), королевы («Рюи Блаз» В. Гюго), Клеопатры («Антоний и Клеопатра» В. Шекспира), Эухены («Дерева умирают стоя» А. Касена), Медеи («Медея» Еврипида), матери («Мать» Чапека), фру Альвинг («Привидения» Г. Ибсена).

В тот миг, во время встречи мы завидовали всем сидящим в зале — ведь они видели многие театральные роли Верико. Но и нам можно было позавидовать — мы сидели рядом, разговаривали с живой Верико, глубоко почитаемой и любимой в Грузии.

Силы Верико Анджапаридзе берегут. Они нужны для спектаклей. В 87 лет она активно занята в репертуаре театра. Но вопреки уговорам близких и друзей она охотно согласилась на эту встречу в Тбилиси

ском производственном шельковом объединении. 7 ноября 1979 года актрисе вручили Звезду Героя Социалистического Труда. «Награда трудовая, а я вдруг откажусь от встречи с людьми труда», — сказала актриса. И как она слушала этих ткачих! Казалось, она вбирает, впитывает в себя звуки их слов, от волнения особо распевных, проникающих в душу. И как она говорила сама, как читала стихи! Она рассказывала о своих товарищах по театру — известных режиссерах, актерах, о своих встречах со зрителями, о том,

как искусство лечит, исправляет, вдохновляет, объединяет людей, и ее глаза источали глубокую веру в человечность, в доброту. Она читала стихи о красоте, о любви, и в гордом жесте руки, высоко поднятой головы было столько благоговения, благородства, гордости. На этой встрече она была и великой актрисой, и доброй матерью, когда целовала молодых смущенных девушек-ткачих, и обаятельной женщиной, когда принимала в подарок розы и отрез шелка. А во время банкета, на котором мы чуть не стали жертвами щедрого грузинского стола, рядом с нами сидела Верико — остроумная, с тонким юмором, пытливая собеседница. Это она засыпала нас вопросами о наших краях, о наших театрах, это она подбадривала нас, если мы смущались. Она была моложе нас, и в ответ на комплимент поднялась с места и, переглянувшись со своим другом — режиссером Дмитрием Алексидзе, произнесла тост: «Хочу, чтобы молодежь так же улыбалась, как мы».

А потом была встреча с актрисой в ее гримерной, после спектакля «Наследники». Верико Анджапаридзе играла в нем не просто бабушку большого семейства, а создавала образ — воплощение врожденной честности, благородства, душевной отзывчивости, образ, ставший камертоном в семье, разведанной ложью, карьеризмом, душевной чер-

ствостью. Она вносила в дощатый средний спектакль столько самобытного, своеобразного. Каждое движение, жест, взгляд, пауза были наполнены таким внутренним смыслом и глубиной, что хотелось смеяться и плакать вместе с ней.

И вот перед нами вновь Верико. Она уже совсем другая, не та, что одаривала нас улыбкой на встрече у ткачих. Она приняла цветы, сказала несколько слов. Но чувствовалось, что ей очень трудно разговаривать. Она еще была там, на спектакле, она еще не освободилась от характера ге-

роини. Глаза, лицо — все хранило последние слова гневного монолога, после которого не выдержало, сдало сердце героини спектакля...

Мы вышли молча, нас провожал критик Котэ Ниникашвили. Это он написал о Верико: «В творчестве ее дышат родная поэзия, родная народная музыка и собственные природные ее родного народа: мужественность, страстность характера, сила чувств, вечный неуемный поиск... Она — дочь грузинской земли...»

На этом я хотела остановиться в своих воспоминаниях о тбилисской осени, но вовремя вспомнила, что Верико не простит мне, если я не вспомню добрым словом об остальных встречах этой осени. О том, например, что после заснеженной Камчатки Тбилиси осыпал нас золотым дождем платановых листьев, окунул в настоящий на мандаринах теплый воздух, облак взглядом видом на каменные обрывы над задумчивой Курой, где чудом приоткрылись старинные дома тбилисцев, подарил минуты беседы с прошлым в старинных крепостях, в пантеоне Мтацминда, где похоронены великие деятели культуры и искусства Грузии, где стоит надгробие на могиле поэта Грибоедова.

Тбилиси приоткрыл нам и свои театральные тайны. Мы убедились, что национальный театр не растворится в интернациональном потоке, если

глубоко национальные традиции обогатить знанием современного советского и европейского искусства. Мы увидели, как в едином национальном театре раскрываются разные стороны. В театре имени Руставели мы посмотрели спектакли «Ричард III» В. Шекспира, «Кавказский меловой круг» В. Брехта и поразились мощности, эпичности этих спектаклей режиссера Р. Стуруза, в которых нет мелких штрихов, где все объемно, выпукло, ярко. Более бытовой, с прекрасным женским ансамблем театр имени Марджанишвили показал, что даже в мелодраме можно дать свое, национальное преломление. Мы увидели поиски новых театральных форм у режиссеров Туманишвили, у режиссера Грузинского ТЮЗа. И, конечно, мы влюбились в грузинских актеров, этих суперактеров тончайшего психологизма, удивительной пластики, музыкальности. Да, наверное, в Грузии иначе и не может быть: настолько здесь артистичен народ, что даже обычный разговор на улице превращается в театр.

Грузинская осень подарил нам и встречи с современными художниками Грузии на традиционной осенней выставке, с картинами неповторимого Пиросмани, в музее искусства, с новой лентой режиссера Лордкипанидзе «Пастораль», в кинокартинах которого так интересно обрел второе дыхание итальянский неореализм; разговоры с молодым обаятельным драматургом Гурамом Ботиашвили и встрече с Софико Чиатурели, дочерью Верико Анджапаридзе, известной актрисой грузинского театра и кино.

И были просто встречи с жителями грузинской столицы — в автобусах, в метро, в магазинах, в театре — и везде мы встречали сердечную улыбку, находили добровольных переводчиков, слышали гостеприимные приглашения и просто такие слова, какие сказал старик в автобусе, уступая мне место: «Сядь дочка, тебе еще долго ходить по земле».

А продолжение разговора с Верико о дружбе людей искусства было уже на Камчатке. Увидев фотографию из Грузии, народный артист РСФСР В. П. Андрианов сказал: «Так рядом с Верико стоит мой друг Додо Алексидзе. Мы с ним учились вместе в ГИТИСе, на режиссерском...». И мне вспомнился тост на заключительном дружеском банкете, который произнес режиссер Дмитрий Алексидзе, председатель Грузинского театрального общества: «Если дружат люди искусства разных национальностей, дружат и эти народы».

Н. СЕЛИВАНОВА.

ТБИЛИСИ ПОДАРИЛ НАМ ОСЕНЬ...